

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ¹,
Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ²

¹Санкт-Петербургский
государственный университет

²Санкт-Петербургский
государственный университет

**«В РИМЕ ИЗ ПРИРОДЫ
Я БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОЛЮБИЛ НЕБО...»
(ИЗ ДНЕВНИКА Г. М. АРНОЛЬДИ)**

В статье публикуются фрагменты дневниковых записей о путешествии в Италию молодого офицера Георгия Михайловича Арнольди в 1909 г. и его впечатления о римских древностях. Дневник Г. М. Арнольди сохранился в семейном архиве авторов. Публикация, осуществленная впервые, сопровождается вступительной заметкой об авторе и комментариями публикаторов.

Ключевые слова: Италия, искусство, Рим, путешествие, Г. М. Арнольди, дневник.

M. V. ROZHDESTVENSKAIA¹,
T. V. ROZHDESTVENSKAIA²

¹St Petersburg State University

²St Petersburg State University

**“OF ALL NATURESCAPES IN ROME
I FELL IN LOVE WITH THE SKY...”
(FROM G. M. ARNOLDI’S DIARY)**

The article contains excerpts from the *Diary* of a young Russian officer Georgy Arnoldi which he kept during his travel to Italy in 1909. The author shares his impressions of Roman antiquities. The *Diary* has been preserved in the family archive of the authors of the article. The text is published for the first time and is accompanied by introductory notes and a commentary.

Keywords: Italy, art, Rome, travel, G. M. Arnoldi, *Diary*.

В нашем семейном архиве сохранились материалы, принадлежавшие Георгию Михайловичу Арнольди (1886–1944), родному брату нашей бабушки Лидии Михайловны Арнольди, — и среди них дневник с путевыми записками, названный автором «Письма из Италии». Молодым офицером, окончив военное училище, Георгий Михайлович осуществил свою мечту — осенью 1909 г. на весьма скромные средства отправился в Италию, чтобы познакомиться с ее великим искусством. Он посетил Флоренцию, Венецию, Рим. Внимательно всматривался в произведения итальянского искусства в музеях и картинных галереях этих городов, восхищался их архитектурой. Его впечатления обнаруживают в авторе заинтересованного зрителя, хотя и не получившего гуманитарного образования, однако начитанного, вдумчивого, тонко чувствующего искусство и по-своему его оценивающего.

Георгий Михайлович Арнольди вырос в семье потомственных военных. Его предок из дворян Курляндской губернии, генерал от артиллерии, сенатор Иван Карлович Арнольди (1780–1860) был участником наполеоновских войн, заграничных походов, Отечественной войны 1912 г. и «Битвы народов» под Лейпцигом 1813 г. Там он в бою потерял ногу, но остался в седле, за что был впоследствии награжден государем императором Александром I шашкой с золотым эфесом. Имел множество боевых наград и орденов¹. В нашей семье долго сохранялся портрет И. К. Арнольди, на котором он изображен в полный рост, с протезом на левой ноге, и который позже был передан в Музей-Панораму «Бородинская битва» в Москве². Отец Георгия Михайловича, Михаил Павлович Арнольди, служил также в чине генерала, имел пятерых детей, двух дочерей и троих сыновей, все трое пошли по военной линии. Семья Арнольди, большая, дружная, часто переезжала из города в город в зависимости от места службы отца. Детство бабушки прошло в Варшаве и Владикавказе, потом был Вильно, повзрослевшие дети жили в Петербурге и Москве. В доме царила атмосфера любви и заботы, культа матери, юмора, веселья. Судя по рассказам

¹ См. об И. К. Арнольди: [Военная энциклопедия, 1911–1915, т. 3].

² Портрет этот неоднократно воспроизводился.

бабушки и ее младшей сестры, письмам из семейного архива, эта атмосфера напоминала обстановку дома булгаковских Турбиных, да и многих семей русской интеллигенции на изломе эпох.

Судьба детей сложилась по-разному. Старшая дочь (наша бабушка) окончила Екатерининский институт в Петербурге, преподавала русский и французский языки, ее сестра Тамара, выпускница Смольного института ускоренного выпуска 1917 г., также стала педагогом. Младший сын Владимир, офицер, в двадцать с небольшим лет был убит в стычке с горцами на Кавказе в 1918 г., средний Сергей стал советским служащим, увлекался театром и журналистикой, играл в любительских спектаклях (ум. в 1934 г.), а старший, Георгий — автор дневника — после революционного переворота 1917 г. оказался в эмиграции и умер в 1944 г. под Парижем. Как и его брат, он любил литературу, искусство, писал стихи.

Зрелые годы Г. М. пришлось на первую половину бурного XX в. Он пройдет почти весь путь царского офицера в годы революции и Гражданской войны — в 1918 г. пробирается на Юг, в Новороссийск, оттуда осенью 1919 г. уезжает в Константинополь, разделив со многими своими товарищами судьбу «Великого Исхода». В галиполийских лагерях, в Константинополе Г. М. Арнольди проводит тяжелую зиму 1920–1921 гг., голодая, нищенствуя, пытаюсь с одним из своих товарищей организовать типографию, что не увенчалось особым успехом — дело прогорело. Об этой тяжелой зиме красноречиво свидетельствуют его несколько писем из Константинополя к сестрам, чудом дошедшие в Россию и сохранившиеся в нашем семейном архиве. Переписка с родными была редкой, но продолжалась вплоть до 1929 г. Затем о судьбе Георгия Михайловича долго ничего не было известно. По понятным причинам родные не искали в те годы его следов, уповая лишь на то, что он жив. Известно было только, что ему, получившему французскую стипендию, удалось перебраться в Париж, где он учился в одном из университетов Сорбонны и одновременно занимался журналистикой, публикуя корреспонденции в эмигрантской печати. Хорошо помним, как однажды в конце 1950-х годов в нашем родительском доме в Ленинграде на Канале Грибоедова появился очень скромно, если не сказать бедно, одетый высокий пожилой человек и протя-

нул пакет, в котором были дневниковые записи, стихи и несколько писем Г. М. Арнольди. Звали этого человека Николай Васильевич Борисов, он жил в Пушкине после возвращения из сталинских лагерей, где, вернувшись из эмиграции, провел десять лет. Борисов оказался близким другом и, как он назвал себя, учеником Г. М. Арнольди, его товарищем по журналистской работе в Париже. Он не раз потом бывал у нас, приезжая к нашему отцу за литературным советом, так как сам писал воспоминания и роман³. От него мы узнали о последних годах и днях жизни бабушкиного брата, прочитали его стихи, вызванные событиями начавшейся Второй мировой войны и болью за судьбу России. Г. М. умер в 1944 г. от туберкулеза легких и был похоронен в небольшой деревушке под Парижем. Такова вкратце судьба этого незаурядного человека.

В «Письмах из Италии» Г. М. Арнольди читатель найдет записи о его первых впечатлениях от путешествия, какие-то бытовые подробности — о гостиницах, случайных встречах, но главная цель его поездки — это Венеция, Флоренция, Рим, прославленные итальянские музеи. Заметна его наблюдательность, умение подробно описать скульптуры, картины, высказать свои соображения об искусстве Возрождения, его форме и смысле. Он сопоставляет католическую веру и православную, рассуждает о близости творений Микельанджело и философских сочинений Ницше, в свои двадцать три года демонстрируя начитанность, склонность к анализу увиденного, самостоятельность суждений.

Для настоящей публикации мы выбрали только то, что, как представляется, более близко научным интересам юбиляра. Это несколько страниц из описания «римских каникул» автора, его впечатления от первой встречи с Вечным городом, рассуждения, пусть и немного наивные, об «испорченности» Древнего Рима признаками современной цивилизации, описание тех чувств и мыслей, которые вызвали в авторе «великие развалины», высказывания о раннем христианстве, пришедшем на смену Риму. Думается, что публикуемые записи представят интерес и как характеристика обыч-

³ Материалы Н. В. Борисова недавно поступили в Краеведческий музей г. Пушкина (Царского Села).

ного молодого человека своей среды, из военно-дворянского со-
словия, укорененного в русской культуре и одновременно широко
открытого для новых впечатлений. Дневник написан в 1909 г., и до
трагических революционных событий, взорвавших все течение
привычной жизни России, оставалось менее десяти лет. И можно
лишь с горечью повторить слова чеховской героини: «Если бы
знать, если бы знать...».

Дневник Георгия Арнольди представляет собой разлинован-
ную тетрадь в голубовато-сером твердом переплете, исписанную
ровным косым почерком чернилами черного цвета на 120 стр. Он
состоит из пяти «писем». На первом листе под заголовком «Пись-
ма из Италии» все они пронумерованы и перечислены по названи-
ям тех городов, куда приезжал Г. М. Арнольди: I. Волочиск-Вене-
ция, II. Венеция, III. Флоренция, IV. Рим, V. От Неаполя до Люцер-
на (из записной книжки). Эта пятая глава в конце тетради обозна-
чена как Приложение. Здесь находим краткое описание итальян-
ской Ривьеры, Миланского собора, итальянских и швейцарских
озер. Г. М. иногда сокращал слова, поэтому при публикации мы
восстанавливаем их полностью. Там, где слово читается неразбор-
чиво, ставим в скобках знак вопроса. Текст «Писем» приводится в
соответствии с нормами орфографии и пунктуации современного
русского языка. Многоточия принадлежат автору.

* * *

Письмо IV **18–30 Октября 1909** **Рим**

«Я не смогу смотреть на природу такими
Большими глазами, какими смотрел он»
(Гете о Микель-Анджело)

«Рим... есть ли такое толстокожее сердце, которое
Не задрожало бы при этом имени...»
Гейне

«Здесь билась жизнь иная...»
Байрон

...Вы, верно, представляете себе, что подъезжая к Риму, чувствуешь какой-то необычайный трепет, а по приезде навстречу подымутся тени усопшей республики, империи, папства, что, по крайней мере, сразу попадешь в «Вечный город», совсем не похожий на прочие, не Вечные; сразу ткнешься в какую-нибудь этакую арку, чтоб можно было сесть на нее и начать плакать о суете сует, как Марий⁴ на развалинах Карфагена?

Вот и совсем нет.

Вместо Кая Гракха⁵ встречает Вас какой-нибудь «гамен», и во все не в тоге, а просто в платье европейского жулика, отнимает у Вас чемодан и напоминает Вам, что Вы не Марий, а здесь не Карфаген, а столица Итальянского королевства; затем поведет не по Вечному городу, а по улицам, правда, грязным и вонючим, но вполне современным. Приведет Вас к пансиону без портиков и колоннад, но комфортабельному, освещенному электричеством — словом, современному во всех отношениях. Потом Вы попадете на Корсо — это главная улица — а называется в честь какого-то Umberto I (?!)⁶, а вовсе не Юлия Цезаря, и продаются на ней очень изящные галстуки...

Словом, первый момент я был немного разочарован. Оказывается, столица итальянского королевства. Конечно, это продолжается недолго; потом войдешь в Рим, войдешь и во «вкус» Рима. Но вот сперва-то, первое впечатление... ну, словом... неожиданное... Хотя кое-что от этого чувства остается и за все время пребывания здесь. Потому что старый Рим — Новый. А Нового-то нам совсем и не нужно; т. е. до такой степени, что прохаживаясь по Корсо мимо блестящих магазинов, слушая хор музыки на какой-нибудь «Пьяцца Колона», мне ужасно казалось странным все это, здесь, в Риме... И разряженная публика, и Корсо, и их магазины, и галстуки, и музыка. Все это у них «само для себя», и вот это-то и странно. Это только чувство такое, и не сумею даже его объяснить.

⁴ Гай Марий (157 г. до н. э. — 86 г. н. э.) — римский полководец и политический деятель.

⁵ Кай (Гай) Семпроний Гракх (153–121 гг. до н. э.) — римский политический деятель, народный трибун.

⁶ Умберто I — второй король Италии с 1878 г.

Для них Рим — это столица современного Итальянского Королевства, в котором столько-то жителей, такое-то правление и пр. и пр. У них тут парламент, король живет, газеты и все их работы современные, злободневные — вот они памятник освобождению Италии строят... Но иностранцу-то все это совсем неинтересно. Ему подавай Вечный Город; а они и знать не хотят про Вечный Город — Вечный Город давно уже умер, а Современный Рим жить хочет.

Ну да это так, маленькое замечание, мне казалось любопытным. Кусочки Старого Рима остались, они разбросаны повсюду. Всегда останутся Вечными кусочками, и ради них одних стоит ехать, и вечно будут ездить в Рим...

В этом городе Италии, более чем во всяком другом, надо пожить, привыкнуть-осмотреться. Я прожил в нем довольно долго как будто, чтобы осмотреться, ну а пока все-таки не осмотрелся, первые 3–4 дня был немного разочарован. Во-первых, я очень устал за это время своего странствования, затем письмо, затем недоразумения с деньгами, и вот пока все это уладилось и установилось — настроение было пребеспокойное.

И все-то мне вспоминалась изящная Флоренция, *Duomo*⁷, палатцы, галереи (таких картинных галерей здесь уже нет). И первые дни я все еще жил ими. Бегал каждый день (4 дня) в Ватикан — в Сикстинскую капеллу, в Станцы (*так!*) Рафаэля. Это нежелание мое знакомиться с Римом продолжалось дней пять; потом опять, как во Флоренции, — все самочувствие совершенно переменялось и опять по-новому. Каждый день рано просыпаюсь, открываю окно и вижу, что небо опять без единого облачка — радостно смеюсь, потираю руки, вспоминаю, что мне только 23 года, что я в Риме и что мне очень, очень хорошо...

...А между тем, вспоминая свое пребывание в Риме, я буду больше всего вспоминать именно эти дни, когда уходил в старый Рим. Несколько дней подряд я ходил на Форум. Забирался за обветшалые колонны храмов и сидел там подолгу... А не осматри-

⁷ Кафедральный собор Флоренции Санта Мария дель Фьоре 1434–1436 гг.

вал, нет, попробовал было и бросил — слишком мало я был готов к этому; да и сразу почувствовал, что все это — и Рим, и люди, которые его создавали, и греки, и их искусство — мне не по силам. Об искусстве их почувствовал это еще в галереях Флоренции, стоя пред Венерой Медицейской⁸. «Рим — это целый мир, и надо годы, чтоб только познакомиться с ним»⁹. Если для Гете надо было годы, то мне это и совсем не под силу. Конечно, я думал и думал, но долго и напряженно; но сквозь все мысли ярче всех сквозила одна: насколько справедливо было с концом Рима провести толстую черту и начать писать историю наново. От него остались обломки, и чувствуешь тоже обломками — отрывочно и бессвязно. Может, я слишком «большого» хотел, «понимания», но то, что приходило в голову, не удовлетворяло. Конечно, это не мешало тому, что я искренно и глубоко привязался к этим обломкам. Я полюбил сидеть здесь подолгу, где-нибудь у бассейна, за колонной. В тени, под плющом и цветами, без мыслей, без слов. Здесь хорошо: какая-то умиротворенная молодая грусть... Прямые колонны. Здесь храма, а там дворца, там трибуны, а там арки, а там виден холм Палатинский и развалились дворцы Цезарей...

Солнце царит. Небо синее, синее; бездонное, без облачка. Смотришь, как на его фоне легли эти колонны и арки; они белые, их увил и ласкает молодой зеленый плющ. И тихо-тихо. И всюду разбросаны — мрамор белый и почерневший. Одинокие, ясные колонны, опять колонны. Они в точечках: это вековые дожди — капля за каплей.

«Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер колышет над ними ковыль.

.....

Здесь ... лежат благородные кости»¹⁰.

⁸ Мраморная статуя Венеры Медицейской I в. до н. э. находится в галерее Уффици во Флоренции.

⁹ «Рим — это целый мир, и на то, чтобы узнать его, потребны годы» (И.-В. Гете. Из «Итальянского путешествия»).

¹⁰ А. С. Пушкин. «Песнь о вещем Олеге».

Это кости старого Рима. Потомство заботливо огородило их стенами, а природа увила их цветами. Когда смотришь на эти белые, розовые, голубые цветочки на стенах, меж колонн у бассейнов, — благоговейно и благодарно сжимается сердце. Какой тонкий наблюдатель глубочайших и изящнейших движений души человеческой, какой художник, поэт и философ разбросал здесь эти юные цветочки? «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть»¹¹... Нет, это они сами поселились здесь, на его могиле и ласкают, увили, целуют, утешают его грустные руины... И услышишь потом, как спокойно, уверенно, победно звонят колокола. Это «они» вместе с высоко поднятыми крестами пришли на смену этим просто и ясно красивым колоколам — я не знаю, что лучше. По крайней мере, в эту минуту не знаю.

Здесь была полнота, красота и радость жизни, и все это ушло и не вернулось. Красота была и потом, но никогда больше она не была так благородна (здесь и далее подчеркнуто автором. — *М. Р., Т. Р.*). Их красота проста и величава. Это — достойная красота. Она не лезет вперед (для этого она слишком хорошо воспитана), она не кричит. Мы походим: «А какая идея?» — «Никакой. Так-таки никакой. Смотри на меня, вот и все». Красота для красоты. Вот это-то аристократизм, вкус. Это благородство вкуса мы и потеряли. Его отравило нам христианство. И когда испортился вкус, все в мире у нас потемнело, надломилось, усложнилось, растворилось... Простота, ясность и радость исчезли из жизни... Конечно, здесь все маленькие скобки, и в них вопросительный знак; и может, все это вздор, но чувство было живое: какая-то глубокая тихая грусть чего-то напрасно, безвозвратно и безнадежно утраченного миром... Волнует, возбуждает другие чувства.

Первый раз я увидел его ночью. Было пусто и мертво; поднялась луна. Шаги звучат гулко. Черные блики и эта громада в лунном сиянии нагнали какую-то жуть. Черный гений Рима! Вот начало его конца, когда он начал строить Колизей. Черно, свежо (?), точно запах тления. Что-то злое, мрачное, хищное и гордое. Долго сидел и ждал, что жуть пройдет — нет, все тот же холод могилы...

¹¹ А. С. Пушкин. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

Ангел Смерти! И все же как величественен! Когда я пришел потом в него утром, то увидел, что этот злой Гений умер и нечего его бояться. И к тому же он очень красив. Но я свесился и смотрел больше вниз в подземелье, пещеры, где держали христиан. Сейчас они развалились; железная решетка поржавела и поросла мохом (*так!*), а по земле побеги зеленые, яркие, озаренные солнцем... Думал ли Рим, что он строит великий памятник христианству? Здесь не нужно на этом месте крестов, куполов, монументов — над камнями, налитыми кровью, — они сами монумент. Без фраз просто, красноречиво, эти камни говорят о том, что конец Рима и победа христианства пришли отсюда, из этих подземелий. Их прелесть неуловима и благодатна: ни собор св. Петра, ни все бесчисленные купола римских базилик, так высоко поднявшие головы, — разве расскажут катакомбы?

Я пошел их послушать.

Странное чувство возбудили во мне катакомбы, что-то никогда не испытанное; а разве если испытанное, то давно, давно и уже забытое — в самом первом и наивном хорошем времени детства. Это довольно далеко за городом — побрел туда пешком. Дорога маленькими глухими и узенькими переулочками, даже не переулочками, потому что города уже нет; нет домов, шума, туристов, галстуков. Невысокая стена, виноградные грозди спустились, повисли; мулы, колокольчики и пыль (вот как на наших проселочных дорогах). Травки какие-то все незнакомые. Ужасно обрадовался, когда увидел одуванчиков. Милые маленькие космополиты не хотят избрать себе отечества. Все добродушно так и уютно, и солнце садится так ласково. Несмотря на даль, совсем не устал, когда добрался до катакомб. Взяли с меня монахи «Una Lira»¹², дали маленькую свечечку и повели в Катакомбы. Но Боже, ведь это совсем другое все, и совсем не то, что у нас, что мы знаем как христианство. И это совсем не католичество и не православие, и не протестантство. То, что было здесь в пещерах подземелья, это все само по себе. А то, что построили потом над подземельем, это тоже само по себе, и никогда этим не будет. А это не вернется, как не вернется детство:

¹² Мелкая итальянская монета.

лампадка, Боженька, восковые свечечки на заутрени, первое «Христос Воскресе»... Якорь, рыбка, свечка, пальмовая ветка, голубь. Украшений нет, красоты, культа нет. А разве это от свечек так светло здесь? Нет. Это другая, совсем не наша плоскость, и нам в нее не вернуться.

Пальмовая веточка, голубь... И нарисовано-то так, как рисуют дети. Нацарапал голубя, а голубь-то вышел похож на петушка. А может, это и вправду петушок? Вот вчера здесь в этой нише, на этом месте, стоял этот чудный седенький старичок, что недавно приехал из Галилеи. Он еще помнит Иисуса, еще помнит Его кудри, слышал Его голос... Вчера старичок рассказывал здесь про Него, про последние дни Его; и про петушка рассказывал («И не пропоеет петух трижды...»¹³), и голос задрожал и заплакал, и все заплакали... Вот сегодня кто-нибудь из верных стоял здесь, вспоминает, и нарисовал петушка. Но где же скорбные складки бровей, страдальческие экстазы, самобичевание, сдавленный шепот бледных губ? Нет, этого не было в первом христианстве. Оно — озаренное, Оно — в детской вере и в детской улыбке... И вот — странная мысль приходит в голову: Рим и христианство все же ближе друг к другу, чем христианство и то, что взяло его имя. Там два противоположных конца, но одного и того же. А здесь все другое и совсем непохожее. Чувство Бога исчезло вместе с Думой о Боге... А додумались до того, что Христос никогда не улыбался. Первые христиане теперь не поверили бы этому ни за какие блага. И глубоко чувствуешь, что ни к Старому Риму, ни в катакомбы нам не вернуться — сколько бы «Возрождений» еще не подарила человечеству история. Словом, здесь в Риме опять, как во Флоренции, бродили те же думы и тревожили те же загадки. Все около тех же «вечных» вопросов, вечно волнующих. Если я плохо понял Рим, то привязался я к нему крепко. И уезжал с мыслью о том, что вернуться в него надо, и Дай Бог вернусь, когда подрасту, окрепну мыслью.

Вместе с Римом я прощался и с историей, и искусством. Теперь впереди новая часть моего странствования — новая плоскость —

¹³ Аллюзия на Отречение Петра (Мф. 26:34; Ио. 13:38).

это море, леса, озера и горы. В Риме из природы я больше всего полюбил небо. «Чудное небо в сам(ом?) деле над этим классическим Римом»¹⁴. За Римом ждут новые подъемы, волнения и думы... Ведь Природа не меньше Человека говорит о Лике Божьем.

ЛИТЕРАТУРА

Военная энциклопедия : в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915.

REFERENCES

Voennaya entsiklopediya [Military encyclopedia]: in 18 vols, ed. by V.F. Novitskiy et al. Saint Petersburg, 1911–1915.

Рождественская Милена Всеволодовна

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета

E-mail: milena.rozh@gmail.com
m.rozhdestvenskaya@spbu.ru

Рождественская Татьяна Всеволодовна

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета

E-mail: rogd@hotmail.ru
m.rozhdestvenskaya@spbu.ru

¹⁴ «Ах, чудное небо, ей-Богу, над этим классическим Римом!» — начальная строка стихотворения А. Майкова.